

ВАСИЛИЙ КУЗНЕЦОВ

Перформативность и уровни коммуникации

Если мы хотим прийти
куда-нибудь, нужно оставить
на снегу след.

Ле Гуин У.
«Левая рука тьмы»

Начало текста, открывающее высказывание, неизбежно и непоправимо опаздывает — в силу своего расположения — по отношению хотя бы к заголовку, обозначению автора и, возможно, эпиграфу, продолжая традиции письменной культуры и воплощая уже явное присутствие следующего ниже.

Каким образом присутствующий текст мог бы указывать сам на себя¹ или, точнее, обозначать свое собственное² присутствие? А каким образом он мог бы попытаться скрыть это? Если текстуру текста (этимологически оправданно) уподобить полотну картины, то полная прозрачность (до невидимости³) означающего (подобно экрану или окну) прямо доставляла бы означаемое — ситуация, практически недостижимая: посредством языка ничего невозможно представить непосредственно.

¹ Смаллиан Р. Как же называется эта книга? — М., 2007.

² «...В двух или трех местах автор пытается скорее непосредственно указать на ум читателя, чем заставить его увидеть очередной слепленный из слов фантом; к сожалению, эта задача слишком проста, чтобы такие попытки могли увенчаться успехом» (Пелевин В. Чапаев и Пустота. — М., 1996. С. 7).

³ «Виноград Зевксиса на картине был такой живой, что прилетали птицы и клевали его. Зевксис вздумал превзойти Паррасий и нарисовал над этим виноградом такой занавес, что сам Зевксис захотел его отдернуть» (Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний Эллинизм. — Харьков — М., 2000. С. 479).

Речевые акты и символические интеракции

Джон Остин был, вероятно, первым обратил внимание на то, что языковые конструкции являются не только и не столько описаниями, выделив тип «высказываний, которые выглядят как утверждения и которые грамматически... классифицируются именно как утверждения, — но, не являясь бессмысленными, не могут быть ни истинными, ни ложными»⁴. Такого рода высказывания (например, клянусь, завещаю, извиняюсь, спорю, обещаю и т. п.) он назвал (в отличие от констативов) перформативами⁵, противопоставляя «„дескриптивному“ заблуждению» классики свою новую теорию, говорящую о «различных способах использования языка»⁶. Очевидно, что использование не может быть истинным или ложным, зато оно может быть успешным или неуспешным. Рассмотрение тех условий, при которых перформативы будут результативными, заставляет Остина выстраивать целую классификацию возможных неудач, возникающих при несоблюдении некоторых из этих условий, — и отличать, например, «осечки» (когда произнесение словесной формулы не производит соответствующего действия) от «злоупотреблений» (когда действия производятся, но рассматриваются как «притворные» или «неискренние»)⁷. Учет же намерения говорящего подводит Остина к необходимости «разграничить локутивное действие „он сказал, что...“ от иллюкутивного действия «он настаивал на том, что...» и от перлокутивного действия «он доказал мне, что...»»⁸. Иначе говоря, получается, что одно-единственное высказывание разом совершает три действия, точнее — любое высказывание должно быть рассмотрено, как минимум, в этих трех аспектах, причем для Остина важнейшим является иллюкуция в качестве собственно речевого действия, в отличие от локуции, отсылающей к значению и смыслу высказанного, и перлокуции, обозначающей последствия произнесения. Действительность, или иллюкутивная сила высказывания, тогда будет зависеть от соблюдения (обще) принятых процедур и социальных конвенций. Однако конвенциональной значимостью могут обладать даже невербальные действия, не говоря уже об обычных констативах (например, «виновен» вместо перформативного «обвиняю»). Так что сам Остин вынужден признать, что «принятое нами различие, в его исход-

⁴ Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила. — М., 2006. С. 264.

⁵ От английского «perform» (представлять, осуществлять, исполнять) + «action» (действие) — см.: Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Избранное. — М., 1999. С. 19.

⁶ Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила. — М., 2006. С. 263.

⁷ Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Избранное. — М., 1999. С. 19.

⁸ Там же. С. 90.

ной форме, между перформативными высказываниями и утверждениями, ослабляется настолько, что практически перестает быть таковым»⁹ и даже позднее заподозрить: «...Не окажутся ли все высказывания перформативными?»¹⁰. А Серль уже вполне определенно резюмирует: «Точно так же, как высказывание определенных слов конституирует бракосочетание (перформатив), а высказывание других слов составляет обещание (еще один перформатив), так и произнесение определенных слов конституирует совершение утверждения (предположительно — констатив) ... Совершение утверждения — в той же степени осуществление иллокутивного акта, как и совершение обещания, заключения пари, предостережения и т. п. Любое высказывание состоит в осуществлении одного или нескольких иллокутивных актов»¹¹.

Но если все высказывания оказываются перформативными, то это утверждение мало что дает — например, для понимания специфики тех высказываний, которые Остин первоначально назвал «перформативными». Поэтому стоило бы выделить перформативность как такой аспект любого речевого акта, который указывает на сам факт свершения высказывания, олицетворяющий выполненность соответствующего жеста. Тогда вполне четко можно сформулировать, что — хотя перформативность в этом смысле и свойственна любому высказыванию, тем не менее в некоторых случаях она не является принципиальной (т. е. не требуется для их понимания / объяснения и, тем самым, позволяет от нее абстрагироваться)¹², а для других ситуаций будет неустрашимой. Действительно, перформативные высказывания (в исходном остиновском смысле) — точнее, самые яркие примеры, демонстрирующие перформативные эффекты, — по самому своему устройству отличаются одной примечательной особенностью: они одновременно и описывают совершение некоторого действия (по модели ответа на вопрос: «Что я сейчас делаю?»), и самим (ф) актом произнесения выполняют его (по крайней мере, номинально — намерение говорящего, равно как наличие или отсутствие тех или иных последствий в данном случае¹³ неважно). Иными словами, хотя наличной выполненностью обладают любые высказывания — только уже в силу того, что они высказаны, — далеко не все из них производят самим фактом своего осуществления

⁹ Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила. — М., 2006. С. 280.

¹⁰ Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Избранное. — М., 1999. С. 90.

¹¹ Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика. II. — М., 1999. С. 244–245.

¹² Подобно тому, как знание теории относительности и квантовой механики не мешает нам продолжать пользоваться в определенных границах механикой классической, поскольку релятивистские и квантовые свойства, например, стола в обычных условиях пренебрежимо малы.

¹³ Как и в случае говорения прозой.

какие-либо заметные перформативные эффекты. Наиболее простыми и наглядными из них будут, по-видимому, перформативное соответствие¹⁴ («Я говорю») и перформативное несоответствие¹⁵ («Я не говорю»), которые в чистом виде практически не применяются. Использование их обычно связано, главным образом, с усилением сказанного (в том числе при повторении—«Я говорю, что...») или же с подчеркнутым противопоставлением произнесенного или просто упомянутого (в том числе и при цитировании) сказанному («Я не говорю, что...» — аналогично письменному академическому «Неверно, что...»). Перформативное противоречие¹⁶ возникает в ситуации, когда сам жест высказывания опровергает высказываемое, противоречит ему. Например, когда Кролик отвечает «Никого» на вопрос «Дома есть кто?» пришедшего к нему в гости Пуха, тот размышляет так: «Там должен кто-то быть, потому что кто-то должен был сказать „Никого“»¹⁷ (Руднев комментирует: «Кролик... самим фактом отрицания выдает свое присутствие»¹⁸).

Перформативный эффект социального действия, вызываемый произнесением ритуальных слов в определенных ситуациях по принятым правилам (перформативных высказываний в исходном остиновском смысле), возникает совершенно независимо от намерений говорящего¹⁹ — что наглядно видно в случаях неожиданных и незапланированных следствий (как это произошло, например, в известном мультфильме «Труп невесты») ²⁰. Хотя, конечно, говорящий может и должен отслеживать социокультурные контексты и выстраивать собственные речевые стратегии таким образом, чтобы достигать желаемых результатов. «Поступок не со стороны своего содержания, а в самом своем свершении как-то знает, как-то имеет единое и единственное бытие жизни, ориентируется в нем, причем весь — и в своей содержательной сто-

¹⁴ Конечно, «перформативное соответствие» можно было бы назвать «перформативным тождеством», указывающим на совпадение описываемого и выполняемого, сказанного и сделанного, но логическое отождествление (А есть В) предполагает однородность отождествляемого, чего в данном случае не наблюдается, поскольку сопоставляются разные онтологические уровни.

¹⁵ Возможно, «перформативное несоответствие» точнее бы назвать «перформативным противоречием», если бы этот термин уже не был занят (см. ниже).

¹⁶ Разумеется, не в логическом смысле противоречия (А и не А).

¹⁷ Винни Пух и философия быденного языка. — М., 1996. С. 50–51.

¹⁸ Там же. С. 193. Хотя соответствующие высказывания вполне могут быть прагматически оправданными — это зависит от контекста и иллокутивной цели (Ср.: *Сель Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. — М., 1986).

¹⁹ Подобно интертекстуальности, образуемой неустранним взаимодействием разнообразных текстов (Ср.: *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. — М., 2008).

²⁰ Таков же и эффект «нечаянного оскорбления», когда безобидные в контексте одной культуры слова / жесты однозначно воспринимаются представителями другой культуры как оскорбительные (последний яркий пример — скандал вокруг карикатур на Мухаммеда).

роне, и в своей действительной единственной фактичности; изнутри поступок видит уже не только единый, но и единственный конкретный контекст, последний контекст, куда относит и *свой смысл*, и *свой факт*, где он пытается ответственно осуществить единственную правду и факта и смысла в их единстве конкретном»²¹. Проступок тем и отличается от ответственного поступка, что не учитывает не только косвенные и опосредованные, но и даже прямые и непосредственные последствия, прорывающиеся практически сразу.

Если отдельно и дополнительно рассматривать еще один онтологический уровень — тот, на котором высказывание совершается, — наряду с теми, которых обычно бывает достаточно для его интерпретации (причем рассматривать эти уровни как относительно независимые²², хотя они и могут быть взаимосвязаны), тогда появляется возможность преодолеть ограниченность лингвистической и даже семиотической трактовки перформативности в качестве характеристики или определенных глаголов, или некоторых их употреблений, так и не находящей четких критериев разграничения перформативного и неперформативного, а также прояснить некоторые (нетривиальные) случаи перформативных эффектов. Ведь Остин, например, просто отказывается обсуждать «несерьезное» употребление языка, которое «будет, например, в особом смысле недействительным или пустым, если оно осуществляется актером со сцены, или если оно начинает стихотворение, или если оно осуществляется как разговор человека с самим собой»²³, хотя сам же относил перформативы к классу «маскарадных костюмов»²⁴. Или полагает, что «неудачей можно назвать любой случай неполной ответственности говорящего за свои действия»²⁵, тогда как для обманщика или мошенника именно это стало бы успешным достижением поставленной цели (независимо от нашей оценки его поведения). Или настаивает на соблюдении «специальных условий искренности»²⁶ для конвенцио-

²¹ Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. — Киев, 1994. С. 32.

²² Лавину в горах, например, способен вызвать любой громкий крик — совершенно независимо от того, кто именно, что именно и зачем именно крикнул (прозвучало ли предупреждение или проклятье).

²³ Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Избранное. — М., 1999. С. 31.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила. — СПб., 2006. С. 269. Серль считает аналогично: «...Чтобы охватить неискрынные обещания, мы должны только заменить содержащееся в наших условиях утверждение о том, что говорящий имеет те или иные убеждения или намерения, на утверждение о том, что он принимает на себя ответственность за то, что они у него есть» (Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Зарубежная лингвистика. II. — М., 1999. С. 225).

²⁶ Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Избранное. — М., 1999. С. 132. См. также: Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления рече-

нально принятых перформативных высказываний²⁷ — т. е., например, не только для обещаний, но даже и для извинений, так что в отсутствие непосредственного доступа²⁸ к интенциям говорящего получается невозможно расценить соответствующее высказывание как выполненное, тогда как в практической коммуникации произнесенное в подходящей ситуации обещание или извинение автоматически расценивается как произведенное, хотя и может быть не принято.

Интересный эффект обнаружил Вендлер: «Имеется небольшая группа причудливых глаголов, которые, с одной стороны, очевидным образом являются глаголами говорения, а с другой стороны, не отмечены „остинновской меткой“, т. е. вообще не употребляются в 1-м лице единственного числа настоящего времени» как перформативные («инсинувировать», «подстрекать», «высмеивать», «льстить», «угрожать» и т. п.)²⁹, поскольку такое их употребление подрывало бы нормативную иллокутивную цель обычного речевого акта. И делает весьма радикальный вывод: «Если я дарю вам дом, который мне не принадлежит, то мой подарок не является ни щедрым, ни скудным — его просто нет»³⁰. Но подобный подход игнорирует сам факт произошедшего события³¹, неявно отождествляя его с его экономическими / юридическими последствиями³², а ведь подарок вполне может быть символическим³³. Аналогично: комментируя эпизод, в котором Кролик читает Пуху собственное письмо, Руднев уже почти готов назвать жест Кролика «перформативным самоубийством», поскольку «не нужно вообще писать письмо, чтобы потом читать его адресату», но тут же обнаруживает по крайней мере одну возможность, когда подобный жест становится осмысленным, — в детском игровом поведении³⁴. А дзенский мастер Бокудзю, сказавший ученику «Убей меня!»? Или рас-

вых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. — М., 1986. С. 260–261.

²⁷ Ср.: «Говорящий, в чью обязанность входит предлагать информацию, инструкцию или советы, может выполнять это с явным безразличием к тому, воспринята ли его информация, выполнены ли его инструкции, воспользовались ли его советом» (*Стросон П. Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах // *Философия языка.* — М., 2004. С. 55).

²⁸ Которого у слушателя все-таки предположительно нет («Вы говорите, что вы едете в Одессу, чтобы я думал, что вы едете не в Одессу. Но вы действительно едете в Одессу. Зачем вы врете?»).

²⁹ *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XVI. — М., 1985. С. 240.

³⁰ Там же. С. 249.

³¹ Так что оказывается невозможно отличить подаренный чужой дом от неподаренного.

³² Которые, кстати, для говорящего вполне могут быть — в случае мошенничества.

³³ Например: «...На одной из прогулок он „дарил“ мне все деревья, которые встречались на нашем пути, с тем условием, что я не могу срубить, или что-либо сделать с ними, или запретить их бывшим владельцам что-либо сделать с ними: при этих условиях они становились *моими*» (*Малкольм Н. Людвиг Витгенштейн: воспоминания* // *Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель.* — М., 1993. С. 39).

³⁴ Винни Пух и философия обыденного языка. — М., 1996. С. 200.

творенные в воде ледяные буквы послания у Байтова³⁵? Вообще-то, подобные ситуации встречаются, по-видимому, не так уж и редко: «Достаточно вспомнить основной прием „учебных пьес“ Брехта начала тридцатых годов, в которых действующие лица сопровождали «парадоксальными» комментариями свои собственные действия. Актер появлялся на сцене и произносил: «Я капиталист; моя цель — эксплуатация трудящихся. Сейчас я попытаюсь убедить одного из моих рабочих в правоте буржуазной идеологии, оправдывающей эксплуатацию...» Затем он подходил к рабочему и делал именно то, о чем заявлял перед этим. Разве подобные действия — комментарий актера своих поступков с «объективной», метаязыковой позиции — не показывают предельно четко, самым конкретным способом абсолютную невозможность этой метаязыковой позиции?»³⁶ Таким образом, неординарные высказывания, немислимые с обыденной точки зрения, оказываются удобным средством для выполнения перформативного жеста указывания на то, на что прямо указать или нельзя, или хотя теоретически и можно, но безрезультатно³⁷. И дело тут вовсе не в искусственном приеме художественной литературы, а скорее в универсальности перформативных эффектов, поскольку — на что обращает внимание Деррида — «если персонаж пьесы не имеет возможности обещать, не существует обещания и в реальной жизни, ведь, по словам Остина, обещание делает обещанием именно существование конвенциональной процедуры, формул, которые могут быть повторены. Чтобы я мог дать обещание в реальной жизни, должны существовать повторяемые процедуры или формулы, такие, которые применяются на сцене. Серьезное поведение — один из случаев ролевой игры»³⁸. Коммуникация перформативно разворачивается на разных уровнях.

Текст коммуникации

Любой коммуникативный жест должен быть выполнен, воплощен в некотором воспринимаемом действии (причем — в зависимости от ситуации — такого рода жестом вполне могут выступать и молчание, и бездействие³⁹). Обратной стороной оказывается возможность любое

³⁵ Байтов Н. Подготовленная вода // Жужукины дети. — М., 2000.

³⁶ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. — М., 1999. С. 158 (Кстати, о чем может свидетельствовать демонстрируемое здесь Жижекком неразличение актера и персонажа пьесы? Ср.: *Тедот Д. Welcome to the virtual trip* // Комментарии. № 16. — М., 1999).

³⁷ См.: Кузнецов В. Ю. Философия языка и непрямая референция // Язык и культура. — М., 2001. Ср.: *Гогтишвили Л. А. Непрямое говорение*. — М., 2006; *Деметтьев В. Непрямая коммуникация*. — М., 2006.

³⁸ Цит. по: *Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне*. — М., 2003. С. 203.

³⁹ «Налоговая декларация, которую вы не заполнили, может вызвать у парней из налогового ведомства энергичные действия» (*Бейтсон Г. Экология разума*. — М., 2000. С. 417).

действие (как и его отсутствие), попадающее в сферу внимания других людей, проинтерпретировать коммуникативно⁴⁰. Любому сообщению (информации) требуется носитель (средство передачи), но и наоборот, любой предмет в социокультурном контексте обретает (потенциально бесконечную) смысловую значимость как семиотический объект. Знаменитый тезис Маклюэна «the medium is the message»⁴¹, снимающий классическую бинарную оппозицию между «что» и «как» в коммуникации, фиксирует как раз важность перформативной фактичности. Собственно говоря, только неклассические стратегии философии⁴² начинают последовательно учитывать влияние используемых средств на исследуемое, прослеживая перформативные эффекты производимых действий. Подобно тому, как абстракция языка присутствует конкретными предложениями, ненаблюдаемые непосредственно интенции представлены реализованными коммуникативными жестами, которые складываются в сходящиеся и расходящиеся серии последовательностей и сплетаются в более или менее связную сеть.

Уже само по себе наличие произведенного высказывания неизбежно вытягивает из отсутствия и притягивает к присутствию (причем совершенно независимо от направленности речевого акта или намерения говорящего)⁴³ — эффект, отчасти поясняющий онтологический статус и продуктов фантазии⁴⁴. Именно из-за этого эффекта прямолинейность отрицания не приносит, как правило, заявленного результата («Не думайте о белой обезьяне!»), — чем объясняется, по-видимому, и неисполнение приговора забыть Герострата⁴⁵. И наоборот, действительность бессознательного вытеснения обеспечивается тем, что вытеснен и сам факт вытеснения⁴⁶. Неслучайно у животных нет никакого отрица-

⁴⁰ «Из того, что у меня паранойя, не следует, что тот человек за мной не наблюдает!»

⁴¹ McLuhan M. *Understanding Media*. — NY, 1964. Примечательно, что в русском издании (Маклюэн М. *Понимание медиа*. — М., 2003) этот тезис ничтоже сумняшеся пытаются переводить, тем самым по инерции привычных шагов идя против него или не замечая потерь.

⁴² См.: Кузнецов В. Ю. Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». 2008. №1.

⁴³ «Для того чтобы отрицать существование чего-то, это что-то должно существовать» (sic! *Серл Дж. Р.* Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. — М., 1982. С. 180) — красноречивая двусмысленность необходимости существования отрицающего и отрицаемого.

⁴⁴ См. Кузнецов В. Ю. *Философия фантастики // Теоремы культуры*. — М., 2003.

⁴⁵ Автоматическое выполнение принимаемых по умолчанию стандартных операций может оказаться сильнее даже декларативного понимания возможных альтернатив — как это происходит, когда младшеклассники наперебой кричат «Я! Я!» на вопрос «Кто у нас скромный?», заданный сразу после подробных объяснений насчет скромности (благодарю Егора Никулина за удачный пример).

⁴⁶ Ср.: «...Отрицание вытесненного часто выражается в процессе лечения через отрицание... Отрицание сохраняет свой утвердительный смысл и тогда, когда оно

ния⁴⁷, да и практическое разворачивание последовательной критики классической метафизики присутствия оказывается столь непростым⁴⁸. Поэтому недаром высшей степенью похвалы для оратора будет не восхищение красотой его речи, но заинтересованные вопросы по рассмотренному сюжету. Бибихин замечает: «Пожалуй, единственный способ как-то скрыть мое присутствие от вас — это говорить такое, чтобы вы задумались о деле и забыли обо мне»⁴⁹. А фатическое общение, непосредственная коммуникативная задача которого неявно заключается в самом общении⁵⁰, перформативно воссоздает само себя и (заодно с проверкой работоспособности коммуникационных каналов) актуализирует сеть социальных связей, поддерживающую устойчивость общества⁵¹.

Небезразличность перформативного именованного («нарекаю»), определяющая связь упоминания с призыванием⁵², устанавливает внешние коммуникативные полюса идентичности: «Потому что имя отражает предмет... А Настоящее Имя есть сущность предмета. Назвать Имя значит повелевать этим предметом»⁵³. Соответственно, внутренним коммуникативным полюсом идентичности становится «Я», что составляет условие возможности социальных актов⁵⁴. Для Хабермаса это самооче-

направлено против предложенного аналитиком истолкования» (Лапланш Ж., *Понимание* Ж.-Б. Словарь по психоанализу. — М., 1996. С. 322).

⁴⁷ «Показать клыки — значит, упомянуть драку, а упомянуть драку — значит, предложить ее. Не существует простой иконической репрезентации отрицания, не существует простого способа для животного сказать: «Я тебя не укушу» (Бейтсон Г. Экология разума. — М., 2000. С. 389).

⁴⁸ См. Кралечкин Д. Ю., Ушаков А. С. *EuroOntology*. — М., 2001.

⁴⁹ Бибихин В. В. Мир. Томск, 1995. С. 29 (Ср.: «Вместо того чтобы брать слово, я хотел бы, чтобы оно само окутало меня и унесло как можно дальше, за любое возможное начало. Я предпочел бы обнаружить, что в тот момент, когда мне нужно начинать говорить, мне давно уже предшествует некий голос без имени, что мне достаточно было бы лишь связать, продолжить фразу, поселиться, не спугнув никого, в ее промежутках, как если бы она сделала мне знак, задержавшись на мгновение в нерешительности» — Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. — М., 1996. С. 49).

⁵⁰ Malinowski B. *Phatic Communion // Communication in Face-to-Face Interaction*. — Harmondsworth, 1972.

⁵¹ Ср.: «Фундаментально тавтологический характер спектакля вытекает из того простого факта, что его средства представляют собой в то же время и его цель» (Дебор Г. Общество спектакля. — М., 2000. С. 25).

⁵² Отчего появляются подчеркнута описательно-иносказательные эвфемизмы — например, «меду ед» или «бурый», «нечистый» или «лукавый». Ср.: « [guild] [Neformator] Народ, а какую команду надо прописать, чтоб выйти из гильдии? Yandai has left the guild... Voxplana has left the gBuild... [guild] [Btr]. / gquit без точки [guild] [Neformator] Спасибо Neformator has left the guild...» (<http://bash.org.ru/quote/391666>).

⁵³ Ле Гуин У. Правило Имен // Ле Гуин У. Волшебник Земноморья. — М., 1992. С. 342. Ср.: Лосев А. Ф. *Философия имени*. — М., 2008.

⁵⁴ Где «Я обнаруживается в качестве деятельного» (Райнах А. Собрание сочинений. — М., 2001. С. 174).

видно: «Одной из общих и неизбежных предпосылок коммуникативного действия является то, что говорящий требуется как актер признания и в качестве индивидуализированного существа. Именно идентичность интерсубъективно признаваемого Ego выражает себя в значении перформативно употребляемого личного местоимения первого лица с точки зрения как автономии, так и индивидуальности. В какой мере в конкретном случае это значение выражено явно или же остается скрытым, а то и вовсе отброшенным, безусловно, зависит от ситуации действия и от более широкого контекста. Но общие прагматические предпосылки коммуникативного действия образуют семантические ресурсы, из которых исторические общества, каждое по-своему, могут черпать и артикулировать концепции духа или души, понятия личности, понятия действия, морального сознания и т. д.»⁵⁵ Но и критически настроенный Деннет, постулирующий, что «самость... представляет собой абстрактный объект и... порождение теоретика»⁵⁶, тем не менее признает, что «контролируемый компьютером поведенческий паттерн в принципе может быть проинтерпретирован нами как разрастающаяся биография или нарративное повествование о самости»⁵⁷, и приходит к выводу, что «все мы являемся болтливыми существами, рассказывающими и заново пересказывающими себе историю нашей собственной жизни, не обращая особого внимания на вопрос о ее истинности... Иначе говоря, по-видимому, все мы являемся виртуозными новеллистами, вовлеченными во все более или менее унифицированные виды поведения, но временами дизунифицированные, и мы всегда, если удастся, делаем вид, что все в порядке. Мы пытаемся превратить все наши материальные сцепления в единую хорошую историю. И эта история — наша автобиография»⁵⁸, — т. е., другими словами, самость перформативно конституирует сама себя прежде всего рассказами о себе⁵⁹. В этом смысле то, что мы привыкли называть нашим сознанием, представляет собой процесс и результат коммуникации с самим собой⁶⁰.

Отталкиваясь от исследований формирования идентичности в процессе социализации, проведенных М. Мид⁶¹, Батлер и Сэджвик идут намного дальше и предлагают⁶² рассматривать гендер как непосред-

⁵⁵ Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 40.

⁵⁶ Деннет Д. С. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 122.

⁵⁷ Там же. С. 125.

⁵⁸ Там же. С. 127, 129.

⁵⁹ Ср.: Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. — М., 1994.

⁶⁰ См. Кузнецов В. Ю. Проблема сознания и порядка рефлексии // Философия сознания: классика и современность. — М., 2007.

⁶¹ См.: Мид М. Культура и мир детства. — М., 1988.

⁶² См.: Butler J. Excitable Speech: A Politics of the Performative. — London, 1997; Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. — NY, 2000; Sedgwick E. K. Touching Feeling: Affect, Pedagogy, Performativity. — Durham, 2003.

ственный и перформативный дискурсивный акт, конструирующий соответствующую идентичность и чувственность символами и ритуалами благодаря постоянно повторяющимся исполнениям и переживаниям определенных схем действий самовыражения, воспроизводящих «телесный стиль» конкретных социокультурных смыслов и легитимирующихся в пространстве властных отношений. Перформативные жесты продуктивны: «Символизация конституирует объекты, которые не были конституированы прежде и не существовали бы, если бы не контекст социальных отношений, в котором происходит символизация. Язык не просто символизирует какую-то ситуацию или какой-то объект, которые бы заранее уже имелись налицо; он делает возможным существование или появление этой ситуации или этого объекта. Ибо он есть часть того механизма, в котором эта ситуация или этот объект только и созидаются»⁶³. Притом интерпретирующие⁶⁴ все и вся технологии не могут не быть тем самым ограничены⁶⁵: «И если нам вновь стало ясно, что сидеть вместе за обеденным столом (или, если уж на то пошло, предаваться любовным ласкам) — это *не просто коммуникация*, не просто „обмен информацией“, то, может статься, будет также вполне важно и полезно — причем не только многочисленным романтикам-интеллектуалам — обладать *понятиями, позволяющими свидетельствовать о том, что есть в нашей жизни абсолютно непонятного*»⁶⁶.

Разбирая эффект, известный как теорема Томаса («Если человек воспринимает некоторую ситуацию как реальную, она становится реальной по своим последствиям»⁶⁷), Мертон разрабатывает принцип самоисполняющегося (самореализующегося) пророчества⁶⁸ — т. е. такого, что сам факт его предъявления заставляет людей совершать поступки, которые и приводят к предсказанным следствиям (наиболее известный при-

⁶³ Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. — М., 1994. С. 223.

⁶⁴ Ср.: «Прозрачность сегодня — высшая, самая раскрепощающая ценность в искусстве и в критике. Прозрачность означает — испытать свет самой вещи, вещи такой, какова она есть... Вместо герменевтики нам нужна эротика искусства» (Зонтаг С. Против интерпретации // Зонтаг С. Мысль как страсть. — М., 1997. С. 18).

⁶⁵ «Разве процесс, посредством которого стихи говорят с нами, должен опираться только на смысловую интенцию? Разве одновременно не является истиной и нечто иное, заключенное в их исполнении?» (Gadamer H.-G. Hermeneutik, Ästhetik, praktische Philosophie. — Heidelberg, 2000. S. 63).

⁶⁶ Гумбрехт Х. У. Производство присутствия. Чего не может передать значение. — М., 2006. С. 140.

⁶⁷ Ср. с эпиграфом к «Игре в бисер» Гессе: «...Нет ничего, что меньше поддавалось бы слову и одновременно больше нуждалось бы в том, чтобы людям открывали на это глаза, чем кое-какие вещи, существование которых нельзя ни доказать, ни считать вероятным, но которые именно благодаря тому, что благочестивые и доброжелательные люди относятся к ним как к чему-то действительно существующему, чуть-чуть приближаются к возможности существовать и рождаться» (Гессе Г. Избранное. — М., 1984. С. 77).

⁶⁸ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М., 2006.

мер — в мифе об Эдипе). Подобным же образом перформативно функционирует и шоу-бизнес⁶⁹: главный закон известности гласит, что лучше пусть ругают, чем замалчивают. В политике — наоборот: урон репутации может нанести само оглашение порочащих сведений, возможно даже ложных и затем опровергнутых⁷⁰. Иногда такого рода эффекты пытаются использовать необычным способом (в разных масштабах и с негарантированным успехом): от демонстративного повеления делать желаемое и ожидаемое («Приказываю дышать!») до смехотворно парадоксального («Приказываю быть свободным!») ...

Вырожденный случай провокации, понимаемой как манипуляция («На воре шапка горит!»), концептуально не интересен, поскольку представляет собой тривиальный рикошет, пусть даже и от ментальных представлений. Намного интереснее провокативная (а не провоцирующая!) ситуация⁷¹, которая заставляет действовать, но не задает ограниченного набора возможных вариантов выбора. Похожие эффекты⁷² производят, например, хулиганские перформансы так называемого актуального искусства: «Парадоксально, но именно судьба таких с виду радикальных, субверсивных попыток лучше, чем что-либо другое, показывает логику функционирования художественного поля. Примененное к акту художественного творения намерение надсмеяться, уже закрепленное Дюшаном за артистической традицией, немедленно превращает такие попытки в художественные „акции“, которые именно так и регистрируются и таким образом освящаются инстанциями признания»⁷³. Аналогично⁷⁴ «Луман выделяет как специфическую особенность системы искусства simultaneität значения и восприятия, эффектов значения и эффектов присутствия»⁷⁵. Переворачивает или выворачивает наизнанку говоримое ирония⁷⁶. Пределом оборачивания ситуации оказывается подчеркнутое — размеченное и манифестируемое — отсутствие ожидаемого (как в арт-забастовке Стюарта Хоума)⁷⁷.

⁶⁹ Ср.: *Рашкофф Д.* Медиа вирус! — М., 2003.

⁷⁰ «То ли он украл, то ли у него украли, но что-то такое было...»

⁷¹ См. примеры в: *Остер Г.* Вредные советы. — М., 1992.

⁷² *Хоффман Э.* Сопри эту книгу. — М., 2003.

⁷³ *Бурдые П.* Производство веры. Вклад в экономику символических благ // *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. — М., 2005. С. 186.

⁷⁴ *Luhmann N.* Die Kunst der Gesellschaft. — Frankfurt a / M, 1995.

⁷⁵ *Гумбрехт Х. У.* Производство присутствия. Чего не может передать значение. — М., 2006. С. III.

⁷⁶ Так и акцентуированно преувеличенная вежливость становится изысканным оскорблением.

⁷⁷ Ср.: «Я сказал С. Ав. „Мое лучшее сочинение — это ненаписанная рецензия на мой ненаписанный сборник стихов, продуманная, с цитатами и всем что положено“. Он заволновался: «Миша, ее непременно нужно написать!» — но я решил, что это ее только испортит: нарушит чистоту жанра» (*Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. — М., 2008. С. 253).

Строгое и жесткое разделение и последовательное разведение разных уровней коммуникации, выполненное в духе теории логических типов Рассела⁷⁸, могло бы хотя и не решить, но, по крайней мере, устранить возникающие парадоксы и связанные с ними проблемы — если бы было возможным⁷⁹. Разворачивающаяся коммуникация распространяется по разным направлениям, вывязывая странные петли и запутывая иерархии⁸⁰. «Предположение, что люди могли бы или должны подчиняться Теории Логических Типов, не просто естественнонаучная ошибка; люди не делают этого не просто от беззаботности или невежества. Дело в том, что парадоксы абстрагирования должны возникать в любой коммуникации, более сложной, чем обмен сигналами состояний (mood-signals), и без этих парадоксов эволюция коммуникации закончилась бы»⁸¹. Даже ограниченное, четко размеченное и нормированное общение в армии невольно смешивает уровни — так уставное «Разрешите обратиться?» наивно претендует на метакоммуникацию до всякого обращения и по поводу него... Теория социальных эстафет Розова подтверждает неустранимо многоуровневый и полиаспектный характер любого жеста: «Если эстафетный механизм все же постоянно срабатывает, то только потому, что мы имеем дело не с одним, а с множеством образцов, ограничивающих друг друга; образец становится образцом только в контексте других образцов, других эстафет, только в составе определенных эстафетных структур»⁸². Насколько явные различия требуются для теоретического рассмотрения, настолько же они могли бы препятствовать практическому действию, если бы оно им следовало. На примере «Декларации независимости» США Деррида показывает: «Нельзя решить, — и в этом-то весь интерес, значение и размах подобного провозглашающего акта, — удостоверяется или порождается независимость этим высказыванием... Эта неясность, эта неразрешимость между, скажем, перформативной структурой и структурой констативной — именно они-то и *требуются*, чтобы произвести некоторый эффект. Они существенны для самой позиции права как такового, что бы ни говорили здесь о лицемерии, двусмысленности, неразрешимости и вымыс-

⁷⁸ «Мимоходом отметим, что правило Рассела не может быть установлено без нарушения правила. Рассел настаивает, что все элементы несоответствующего логического типа должны быть исключены (например, при помощи воображаемой линии) из фона любого класса, т. е. он настаивает на проведении воображаемой линии именно такого типа, который он запрещает» (*Бейтсон Г. Экология разума.* — М., 2000. С. 217).

⁷⁹ Что не отменяет, конечно, необходимости каждый раз удерживать некоторую условную рамку приемлемого, иначе складывается даблбайнд — рискованная ситуация, провоцирующая не только творчество, но и шизофрению (см.: *Бейтсон Г. Экология разума.* — М., 2000. С. 223, 228, 300...).

⁸⁰ См.: *Хофштадтер Д. Гедель, Эшер, Бах: Эта бесконечная гирлянда.* — Самара, 2001.

⁸¹ *Бейтсон Г. Экология разума.* — М., 2000. С. 220.

⁸² *Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии.* — Смоленск, 2006. С. 67.

ле... Подпись измышляет подписывающего... Посредством этого баснословного события, посредством этой басни, которая содержит в себе свою же печать и на самом деле возможна только в неадекватности само-му себе настоящего времени, подпись дает себе имя»⁸³.

Демонстративность и аргументативность

Любое доказательство, чтобы быть доказательным, должно быть продемонстрировано – именно выполнение демонстрации превращает цепочку фраз или последовательность символов в дискурсивно действующий рычаг, способный производить значимый эффект принуждения (если не к пониманию, то) к принятию соответствующего тезиса. Действенность доказательства, однако, принципиально ограничена, как правило, той аксиоматической системой, в которой оно произведено. А обоснование или аргументация неизбежно оказываются менее сильными, и вдобавок обычно не менее ограниченными... Тем не менее апелляция к перформативности⁸⁴ позволяет выстроить аргумент, практически не требующий признания каких-либо дополнительных посылок, – и, тем самым, особенно ценный для дискуссии между представителями различных философских концепций⁸⁵, так как воспроизводит подвиг барона Мюнхгаузена⁸⁶.

Особую силу когитального аргумента Декарта, например, Хесле видит в том, что «в cogito ergo sum мы имеем дело... с положением, истинность которого явствует из перформативного противоречия в его отрицании... То, что я существую, например, есть условие возможности акта моего сознания, но если я оспариваю свое собственное существование, тогда то, что я говорю, противоречит тому, что я делаю»⁸⁷. Фундаментальное обоснование трансцендентальной прагматики – другой пример – Апель находит в неустрашимых основах коммуникации, автоматически становящихся значимыми для всех, кто в нее вступает: «То,

⁸³ Деррида Ж. Отобиографии. I. Декларации независимости // Ad marginem'93. – М., 1994. С. 178–179.

⁸⁴ Ср. с требованием Мамардашвили (которое он возводит к Канту), «чтобы мысль, находясь в движении, не разрушала бы сама себя» (*Мамардашвили М. К. Проблема сознания и философское призвание // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию.* – М., 1992. С. 41).

⁸⁵ Ср.: «Перформативные противоречия кажутся мне исключительно важными в деле философского обоснования, потому что представляют собою альтернативу как логической дедукции, так и интуиции» (*Хесле В. Гении философии нового времени.* – М., 1992. С. 19).

⁸⁶ Ср. с так называемой «трилеммой Мюнхгаузена» (*Альберт Х. Трактат о критическом разуме.* – М., 2003. С. 40).

⁸⁷ *Хесле В. Гении философии нового времени.* – М., 1992, с. 18. Хотя все-таки нельзя согласиться с трактовкой Хесле перформативного противоречия как такого, где «содержание моей речи противоречит ее форме» (с. 19), поскольку это сводит его опять к оппозиции классических категорий.

что я, не впадая в действительное противоречие с самим собой, не могу ни оспорить, ни в то же время дедуктивно обосновать без формально-логического *retitio principii*, принадлежит к тем трансцендентально-прагматическим предпосылкам аргументации, которые всегда уже должны быть признаны, чтобы аргументативная языковая игра могла сохранять свой смысл»⁸⁸. Этот же аргумент Хабермас полагает возможным использовать и для своей этики дискурса, поскольку его отвержение ведет к перформативному противоречию: «Сам критик, если он принимает участие в дискуссии, уже приемлет в качестве действенных некий минимальный набор неотъемлемых правил критики»⁸⁹. Аналогично устроено обоснование познаваемости мира (последовательный агностицизм перформативно невозможен, поскольку знает о мире хотя бы его непознаваемость). И доказательство знаменитой теоремы Геделя⁹⁰, отсылающее к возможности конструирования неразрешимых и тем самым разрушающих систему высказываний. А также антропный принцип⁹¹, даже слабая формулировка которого («Наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием в качестве наблюдателей»⁹²) тоже указывает на перформативно предпологаемое наличие высказывающего.

Вместе с тем перформативность дает сильные средства и хороший повод для самокритической рефлексии: «Сам факт того, что я произношу монолог, — норма нашей академической субкультуры, однако идея, что я могу учить вас *односторонним* образом — это производная от предпосылки контроля разума над телом... Стоя тут перед вами, я фактически совершаю акт вредительства, подкрепляя в ваших умах некоторые мыслительные стереотипы, являющееся полной чепухой»⁹³.

⁸⁸ *Apel K.-O.* Das Problem der philosophischen Letzbegründung im Lichte einer transzendentalen Sprachpragmatik // Sprache und Erkenntnis. — Innsbruck, 1976. S. 72.

⁸⁹ *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. — М., 2000. С. 127–128.

⁹⁰ См.: *Хофштадтер Д.* Гедель, Эшер, Бах: Эта бесконечная гирлянда. — Самара, 2001.

⁹¹ Ср.: *Балашов Ю. В.* «Антропные аргументы» в современной космологии // Вопросы философии. 1988. № 7.

⁹² *Картер Б.* Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: теории и наблюдения. — М., 1978. С. 372.

⁹³ *Бейтсон Г.* Экология разума. — М., 2000. С. 451.